

Предикторы выбора русскими стратегии поведения в межкультурном конфликте

А.А. БАТХИНА *,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
abatkhina@hse.ru

Н.М. ЛЕБЕДЕВА **,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
nlebedeva@hse.ru

В статье описываются основные результаты исследования предикторов выбора стратегии поведения у русских в воображаемом конфликте с представителями народов Северного Кавказа. Теоретико-методологическую основу исследования составили модель двойной заинтересованности Томаса—Килманна, уточненная теория базовых ценностей Ш. Шварца и концепция межгрупповой тревожности У. Стефана и К. Стефан. В качестве предикторов выбора стратегии поведения в конфликте рассматривались индивидуальные ценности: Открытость изменениям, Сохранение, Самоутверждение и Самопреодоление. Роль межгрупповой тревожности тестировалась в качестве модератора, влияющего на связь между ценностями и поведением в конфликте. Гражданская идентичность и самоуважение рассматривались как контрольные переменные. В исследовании приняли участие 214 этнических русских, проживающих на территории России (73 мужчины, 141 женщина; возраст $M = 31,96$; $SD = 10,21$). Методом исследования являлся социально-психологический опрос, респонденты привлекались к участию при помощи стратегии «снежного кома». В качестве основного инструментария исследования использовались опросник организационного конфликта М. Рэхима в модификации Дж. Оэтицеля, опросник индивидуальных ценностей Ш. Шварца PVQ-R, шкала опасения межкультурной коммуникации Дж. Нойлипа и Д. МакКроски, отдельные шкалы из опросника MIRIPS.

Для цитаты:

Батхина А.А., Лебедева Н.М. Предикторы выбора русскими стратегии поведения в межкультурном конфликте // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 70–91. doi:10.17759/sps.2019100105

* *Батхина Анастасия Александровна* — аспирант, стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия, *abatkhina@hse.ru*

** *Лебедева Надежда Михайловна*, доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия, *nlebedeva@hse.ru*

Результаты путевого анализа показали, что выбор стратегии доминирования положительно связан с ценностями Самоутверждения и отрицательно с ценностями Самопреодоления. Выбор стратегии сотрудничества имеет положительную связь с ценностями Самопреодоления и Открытости изменению. Выбор стратегии ухода положительно связан с ценностями Сохранения и межгрупповая тревожность. На выбор стратегии уступок не было обнаружено значимого влияния ценностей, при этом данная стратегия находится в положительной связи с гражданской идентичностью и в отрицательной связи с самоуважением. Межгрупповая тревожность является модератором связи между ценностью Открытости изменениям и стратегией сотрудничества. Полученные результаты могут быть использованы при разработке рекомендаций в сфере межкультурной коммуникации и при урегулировании межкультурных конфликтов.

Ключевые слова: межкультурный конфликт, индивидуальные ценности, межгрупповая тревожность, стратегии поведения в конфликте, гражданская идентичность.

Согласно социологическим исследованиям, за последние годы число внутренних мигрантов в России возросло в 2 раза и составляет приблизительно 4 миллиона человек (87% от всей доли прибывших), при этом народы Северного Кавказа занимают лидирующие позиции [2; 3]. По данным на 2012 год, количество представителей Северо-Кавказского региона в Москве составило 15,1% (около 46 тысяч человек) от общего числа россиян, приехавших в столицу за последние два года [9]. Таким образом, заметно растет доля представителей Северного Кавказа в регионах с исконно преобладающим русским населением [21]. Однако культурная дистанция и уровень предубеждений по отношению к народам Северного Кавказа остаются по-прежнему достаточно высокими [8; 11; 12; 20; 21]. К существующим предубеждениям прибавляется новый виток, вызванный ростом исламофобии в России и в мире [7; 10]. Рост количества контактов между русскими и представителями народов Кавказа вкупе с наличием негативных

межгрупповых установок может приводить к возникновению конфликтных ситуаций между представителями данных культур. В связи с этим правильное понимание причин поведения участников подобных конфликтов поможет сформулировать рекомендации для их предотвращения и мирного урегулирования.

Стратегии поведения в межкультурном конфликте

В отечественном научном дискурсе достаточно большое влияние уделено межкультурным отношениям [6; 22]. При этом процессы и явления, связанные с межкультурными конфликтами в российском контексте, изучены в меньшей степени. Это может быть связано с исторической традицией рассмотрения межкультурного конфликта как конфликта межгруппового и может затруднять и ограничивать возможности эмпирического исследования подобных конфликтов на межличностном уровне.

В данном исследовании мы ориентировались на западные теоретические концепции межкультурного конфликта и попробовали адаптировать их к российским реалиям. Многие зарубежные исследователи рассматривают межкультурный конфликт на межличностном уровне, а также выявляют характерные особенности, присущие поведению участников данного типа взаимодействия [38]. Причиной межкультурного конфликта не обязательно становятся этническая неприязнь и межэтническая напряженность, но в то же время, взаимодействие участников конфликта может осложняться групповыми предрасудками и установками, разделяемыми на индивидуальном уровне [18]. В любом случае участники межкультурного конфликта, как правило, сталкиваются с наличием культурной дистанции, языкового барьера и непониманием чужой культуры [23; 24; 37].

При изучении стратегий поведения в межкультурном конфликте большинство исследований опирается на универсалистскую модель двойной заинтересованности, известную в отечественной литературе как модель Томаса—Килманна [35]. Данная модель рассматривает стратегии конфликтного поведения в системе координат с двумя векторами — забота о своих интересах и забота об интересах другой стороны. Всего модель двойной заинтересованности описывает пять стратегий: доминирование, сотрудничество, компромисс, уход и уступки. Анализ литературы, посвященной предикторам выбора одной из данных стратегий поведения в межличностном конфликте, позволяет сделать вывод о том, что существуют три основные группы факторов: 1) индивидуальные особенности; 2) социальный и ситуационный

контекст; 3) культурные нормы и ценности [39]. Достаточно большое количество зарубежных работ посвящено изучению таких факторов, как культура, эмоциональный интеллект и коммуникативные навыки [1; 16]. Именно они считаются ключевыми предикторами поведения в любом конфликте и достаточно хорошо изучены. Однако, по мнению С. Тинг-Туми, Д. Бар-Таля, М. Хаммера и других исследователей [14; 18; 37], в межкультурном конфликте проявляются и другие предикторы, характерные только для данного типа взаимодействия и не так подробно рассмотренные в литературе. Среди индивидуально-личностных факторов выделяют: идентичность, авторитарные и националистические установки, межгрупповую тревожность [36]. Важными социальными предикторами в межкультурном конфликте становятся групповые убеждения, групповые эмоции и история межгрупповых взаимоотношений [14; 23; 44]. Если групповые убеждения разделяются непосредственно участниками конфликта, то с большой вероятностью они будут проявляться при их межличностном взаимодействии.

Однако основное внимание исследователей, изучающих межкультурный конфликт, сосредоточено на таком предикторе конфликтного поведения, как культура. Это связано с предположением, согласно которому столкновение с представителем другой культуры актуализирует идентичность со своей собственной этнической группой [38]. Таким образом, поведение участников межкультурного конфликта в большей степени подвержено влиянию культурных норм и ценностей, чем в конфликте между представителями одной и той же культуры. При этом, несмотря на большое количество исследований, под-

тверждающих влияние культуры на поведение в конфликте, гипотеза о том, что культура является ключевым фактором, регулирующим межкультурное взаимодействие, пока остается теоретической [44]. Некоторые исследователи считают, что поведение конфликтующих сторон на межличностном уровне чаще обусловлено ситуационными и личностными детерминантами [29].

Индивидуальные ценности и поведение в конфликте

В нашем исследовании мы решили более детально изучить индивидуально-личностные предикторы поведения в межкультурном конфликте, так как они в меньшей степени рассмотрены в зарубежной и отечественной литературе. Нашей целью являлось восполнение пробелов в понимании влияния индивидуальных ценностей на выбор стратегии поведения в конфликте.

Одной из наиболее распространенных и эмпирически подтвержденных теорий индивидуальных ценностей является теория Ш. Шварца [31]. Изначально Ш. Шварц определил континуум из 10 ценностей, которые, по его мнению, составляют мотивационную основу личности [31]. В дальнейшем он уточнил свою теорию, выделив 19 ценностей, образующих мотивационный круг [13]. Данные ценности были объединены Ш. Шварцем в четыре ценности более высокого порядка — Открытость изменениям, Сохранение, Самоутверждение и Самопреодоление. По мнению Ш. Шварца, ценности и поведение неразрывно связаны [31; 32]. Теория предполагает, что действия, совершаемые человеком и являющиеся выражением определенной

ценности, также одновременно подавляют проявление других ценностей [33]. Существует достаточно большое количество работ, показывающих связь ценностей с личностными особенностями и чертами, но в последнее время все больший интерес вызывает исследование влияния ценностей на поведение [32; 33]. Последние исследования показывают, что ценности действительно определяют и направляют поведение, при этом разные ценности имеют влияние различной силы; кроме того, связь между ценностями и поведением может частично нивелироваться социальными нормами [40]. Однако, как мы говорили выше, в ситуации с конфликтным поведением хорошо изучено влияние в основном только культурных ценностей и ориентаций, таких как индивидуализм или избегание неопределенности [16]. При этом, исходя из теоретической концепции индивидуальных ценностей, есть все основания предполагать, что они будут оказывать влияние на выбор стратегии поведения в межличностном конфликте, в том числе межкультурном.

Межгрупповая тревожность и поведение в конфликте

Помимо ценностей, которые предположительно оказывают влияние на поведение в любом межличностном конфликте, мы решили рассмотреть специфические переменные, характерные для поведения в межкультурном конфликте. Одним из таких ключевых ситуационно-личностных факторов является межгрупповая тревожность. Данный феномен был введен в психологическую литературу У. Стефаном и К. Стефан и характеризуется как опреде-

ленный вид тревоги, проявляющейся при вовлечении во взаимодействие с представителем другой культуры [34]. Похожий конструкт описывают Дж. Нойлип и Дж. МакКроски, называя возникающую тревогу опасением межкультурной коммуникации [25]. По мнению У. Стефана, межгрупповая тревожность может проявляться и как относительно устойчивая личностная особенность, и как фактор, возникающий при непосредственном межкультурном взаимодействии [34]. Авторы концепции выделяют три компонента межгрупповой тревожности — аффективный, когнитивный и физио-

логический. Таким образом, данный предиктор проявляется в виде разных психологических процессов — эмоций, чувств, установок и убеждений, а также в виде физиологических реакций. Как правило, большинство исследований сфокусировано на изучении аффективного компонента [34]. Межгрупповая тревожность может играть роль медиатора между такими предпосылками, как личностные черты, установки, персональный опыт и ситуационные факторы, и всеми видами последствий: когнитивными, эмоциональными и поведенческими [34; 41]. Если говорить о поведенческих

Рис. 1. Континуум индивидуальных ценностей, согласно обновленной теории Ш. Шварца

аспектах, то высокий уровень межгрупповой тревожности приводит, как правило, к избеганию любой коммуникации с представителями другой группы либо стимулирует оскорбительное и агрессивное поведение [41]. Многие работы показывают, что межгрупповая тревожность значительно препятствует эффективной межкультурной коммуникации [34; 43]. Существует не так много работ, нацеленных на изучение роли межгрупповой тревожности в межкультурном конфликте. В частности, было обнаружено, что высокий уровень тревожности негативно коррелирует со стратегиями сотрудничества и доминирования [26; 28].

Эмпирическое исследование

Проведенный нами анализ литературы показал, что научные знания о психологических предикторах стратегий поведения в межкультурном конфликте недостаточны для формирования целостной картины данного феномена. При этом, конечно же, стоит отметить, что конфликт между представителями разных этнических групп — достаточно редкое социальное явление. Как правило, даже при высоком уровне межэтнической напряженности в обществе, люди стараются не вступать в открытое конфликтное взаимодействие. Поэтому в нашей работе мы моделировали ситуацию межкультурного конфликта для наших респондентов с целью восполнить недостающие теоретические знания, которые могут быть полезны, в первую очередь, для профилактики подобного рода явлений.

Цель данной работы — изучение универсальных (ценности) и специфических для межкультурного конфликта пре-

дикторов (межгрупповая тревожность) выбора стратегии поведения в межкультурном конфликте. Исходя из представленного выше теоретического анализа, были выдвинуты следующие *гипотезы*.

Н1. Высокая выраженность ценностей Открытости изменениям и Самопреодоления будет позитивно связана с предпочтением стратегий сотрудничества в межкультурном конфликте.

Н2. Высокая выраженность ценностей Самоутверждения будет связана позитивно с выбором стратегий доминирования и негативно — с выбором стратегий сотрудничества в межкультурном конфликте.

Н3. Высокая выраженность ценностей Сохранения будет позитивно связана с предпочтением стратегий ухода и уступок в межкультурном конфликте.

Н4. Межгрупповая тревожность будет выступать модератором связи между ценностями и предпочтением стратегий сотрудничества и ухода. Высокая межгрупповая тревожность будет снижать позитивный эффект ценностей Открытости изменениям и Самопреодоления на выбор стратегии сотрудничества и усиливать позитивный эффект ценностей Сохранения на выбор стратегии ухода.

В качестве контрольных переменных были выбраны самоуважение (универсальная переменная) и гражданская идентичность (специфическая для межгрупповых отношений переменная), так как существует достаточное количество работ, подтверждающих их влияние на конфликтное поведение [16]. В частности, работа С. Тинг-Туми и коллег показала, что высокий уровень и этнической, и гражданской идентичности стимулирует выбор таких стратегий, как сотрудничество и компромисс [36].

Метод

Процедура. Для более глубокого понимания социокультурного контекста и актуальных условий межкультурных конфликтов в России было проведено предварительное качественное исследование в форме структурированного интервью с 37 респондентами, проживающими в Москве и других городах Центрального федерального округа (22 женщины, 15 мужчин). Респондентов просили вспомнить и описать в деталях конфликт с представителем другой этнической группы, который произошел с ними или их родственниками и который они считают довольно распространенным явлением в русской культуре. Анализ ответов показал следующее: 1) наиболее типичными считались конфликтные ситуации из повседневной жизни (в общественном месте или в транспорте, в магазине); 2) как наиболее типичный межкультурный конфликт действительно рассматривался конфликт с представителем народов Северного Кавказа; 3) дифференциация народов Северного Кавказа на этнические группы была очень слабой, обычно респонденты относили всех к одной группе «кавказцы». По мнению респондентов, основной причиной таких конфликтов было «хамское» и «некультурное» поведение представителей этих этнических групп в общественных местах.

Выборка. В основном исследовании приняли участие 214 этнических русских, проживающих в России (73 мужчины, 141 женщина; возраст $M = 31,96$; $SD = 10,21$). Доля студентов составляет 12,15%. Выборка собиралась при помощи стратегии «снежного кома», в том числе и через социальные сети. Респонденты проживают в городах Центрального федерального округа, большая часть

(63%) — в Москве. Мы выбрали для анализа жителей регионов, где русские были и остаются национальным большинством, чтобы понять их установки по отношению к внутренним мигрантам с Северного Кавказа.

Методики. Шкалы, которые еще не были адаптированы на российской выборке, были переведены при помощи методики двойного перевода, а затем адаптированы при помощи когнитивного интервью методом Think-aloud. Для всех опросников использовалась шкала Лайкерта с 9 делениями (1 — наименьшее согласие с пунктом, 9 — наибольшее согласие с пунктом). В скобках указаны коэффициенты внутренней согласованности α -Кронбаха.

Стратегии поведения в конфликте. Мы использовали опросник организационного конфликта М. Рэхима в модификации Дж. Оэтцеля [27]. Респондентам предлагалось представить их поведение в повседневном конфликте с представителем народов Северного Кавказа (так как предварительное исследование показало, что дифференциация на разные этнические группы слабая, было принято решение придерживаться именно этой формулировки). При ответе респондентов просили учитывать их реальный жизненный опыт участия в межкультурных конфликтах, если такой имелся. Затем их просили оценить, насколько каждое высказывание соответствует их представляемому поведению. Пример пункта шкалы «Доминирование»: «Я буду использовать свой авторитет, чтобы решение было принято в мою пользу» ($\alpha = ,87$). Пример пункта шкалы «Сотрудничество»: «Я постараюсь совместить свои идеи с идеями другой стороны, чтобы мы пришли к совместному решению» ($\alpha = ,91$). Пример

пункта шкалы «Уход»: «Скорее всего, я попробую избежать открытого обсуждения разногласий с другой стороной» ($\alpha = ,82$). Пример пункта шкалы «Уступки»: «Скорее всего, я постараюсь удовлетворить потребности другой стороны» ($\alpha = ,88$). Опросник прошел адаптацию для российской выборки, результаты факторного анализа и анализа валидности представлены в разделе Результаты. В авторской версии опросника выделены пять факторов: сотрудничество, компромисс, уход, уступки и доминирование. Однако результаты нашего анализа показали, что компромисс и сотрудничество образуют один фактор.

Индивидуальные ценности. Мы использовали опросник Ш. Шварца PVQ-R, адаптированный к российской выборке сотрудниками НИУ ВШЭ [13]. Опросник состоит из 57 пунктов. Для данного исследования мы рассматривали четыре блока ценностных ориентаций: Сохранение, Открытость изменениям, Самоутверждение и Самопреодоление. Примеры вопросов блока «Сохранение»: «Для него важно соблюдать все законы» ($\alpha = ,85$). Пример вопроса блока «Открытость к изменениям»: «Свобода действий важна для него» ($\alpha = ,70$). Пример вопроса блока «Самоутверждение»: «Быть тем, кто указывает другим, что делать, важно для него» ($\alpha = ,82$). Пример вопроса блока «Самопреодоление»: «Для него важно принимать людей, даже если он с ними не согласен» ($\alpha = ,79$).

Межгрупповая тревожность. Для измерения уровня межгрупповой тревожности мы адаптировали 14 пунктов шкалы опасения межкультурной коммуникации Дж. Нойлип и Д. МакКроски [25]. Пример пункта: «Я напряжен и нервничаю, общаясь с людьми с Северного Кавказа» ($\alpha = ,90$).

Гражданская идентичность. Была взята шкала гражданской идентичности из опросника MIRIPS, адаптированная сотрудниками Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований [5]. Шкала состоит из 4 пунктов, пример пункта: «Я горд быть россиянином» ($\alpha = ,87$).

Самоуважение. Была взята шкала самоуважения Розенберга [30] в российской адаптации [5]. Шкала состоит из 10 пунктов, пример пункта: «Я считаю, что у меня есть хорошие качества» ($\alpha = ,76$).

Социально-демографические характеристики. Респонденты указывали свой пол, возраст, уровень образования, профессию, религиозную принадлежность, уровень дохода, собственную национальность и национальность родителей. Мы также контролировали такую переменную, как частота контактов, задавая три вопроса касательно частоты и близости контактов респондентов с представителями народов Северного Кавказа (сколько представителей народов Северного Кавказа вы знаете лично/хорошо/сколько из них являются вашими друзьями, по шкале от «1 — никого» до «9 — много»), так как согласно теории контакта (Allport, 1954), прошлый положительный опыт взаимодействия с представителями других этнических групп оказывает значимое влияние на межкультурные установки. Так как получившиеся средние значения являются достаточно низкими ($M = 3,31$; $SD = 2,02$), в дальнейшем мы не учитывали опыт контакта при анализе и обсуждении результатов.

Статистическая обработка. Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 24.0 с приложением Amos 24.0. Мы применяли следующие статистические процедуры: описательные статистики; частный корреляционный анализ с бутстреппингом ($n = 2000$)

с исключением влияния пола, возраста, образования, религиозной принадлежности; эксплораторный и конфирматорный факторный анализ; путевой анализ (SEM). Для конфирматорного факторного анализа и путевого анализа мы использовали рекомендуемые показатели соответствия данных: CFI > ,90; RMSEA < ,08; SRMR < ,08 [19].

Результаты

Валидизация методики

Для валидизации адаптированного варианта опросника организационного конфликта М. Рэхима в модификации Дж. Оэтцеля были поэтапно проведены процедуры эксплораторного и конфирматорного факторного анализа. Также были рассчитаны показатели дивергентной и конвергентной валидности, такие как CR (показатель составной надежности р-Рейкова), AVE (показатель средней извлеченной дисперсии), MSV (показатель максимальной разделенной дисперсии), дополнительно был проведен тест Фурнелла–Ларкера (табл. 1). Эксплораторный факторный анализ с использованием метода максимального правдоподобия и путем вращения корреляционной матрицы по типу Промакс показал, что полная объясненная дисперсия составляет 57,9%.

В результате анализа с собственными значениями фактора была выделена четырехфакторная структура.

Для проверки предложенной структуры был проведен конфирматорный факторный анализ. Построенная модель имела приемлемые показатели соответствия: CMIN/DF = 2,013; CFI = ,930; RMSEA = ,069 [.059; ,079]; AIC = 508,498. Показатели надежности, конвергентной и дивергентной валидности должны соответствовать следующим значениям: CR > ,7; AVE > ,5; MSV < AVE; AVE > коэффициентов корреляции [17]. Как видно из табл. 1, можно говорить о хорошей валидности и надежности опросника.

Описательные статистики и частные корреляции

Как видно из табл. 2, наибольшее среднее значение — у стратегии сотрудничества, затем следуют уход и доминирование. Стратегия уступок является наименее предпочитаемой стратегией поведения в межкультурном конфликте.

Путевой анализ и анализ модерации

На рис. 2 представлена проверяемая модель путевого анализа, совмещенно с анализом модерации. Модель была проверена при помощи путевого анализа

Таблица 1

Показатели надежности, конвергентной и дивергентной валидности

Шкалы	CR	AVE	MSV	1	2	3	4
1. Сотрудничество	.932	.582	.028	.763			
2. Доминирование	.880	.714	.024	-.105	.845		
3. Уход	.799	.509	.132	.168	.029	.713	
4. Уступки	.878	.596	.132	.034	.156	.364	.772

Примечание: CR — показатель составной надежности р-Рейкова; AVE — показатель средней извлеченной дисперсии; MSV — показатель максимальной разделенной дисперсии.

в статистическом пакете Amos 24.0. Помимо представленных зависимых, неза-

висимых переменных и модератора, было оценено влияние двух контрольных пе-

Таблица 2

Описательные статистики для всех шкал

Шкалы	N = 214				
	M	SD	SE	95%CI	
				Lo	Ho
Доминирование	4.70	2.05	0.12	4.53	4.89
Сотрудничество	6.40	1.66	0.12	6.2	6.66
Уход	4.79	1.7	0.12	4.73	5.2
Уступки	3.42	1.6	0.1	3.24	3.66
Открытость изменениям	6.68	1.31	0.09	6.49	6.83
Сохранение	7.14	1.52	0.1	6.93	7.34
Самоутверждение	5.53	1.62	0.1	5.3	5.72
Самопреодоление	5.76	1.79	0.12	5.52	6
Межгрупповая тревожность	4.31	1.54	0.1	4.1	4.52
Гражданская идентичность	7.36	1.93	0.13	7.09	7.61
Самоуважение	6.52	1.3	0.09	6.35	6.7

Примечание: M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; SE – стандартная ошибка; 95%CI – доверительный интервал 95%, Lo – его нижняя граница, Ho – верхняя граница.

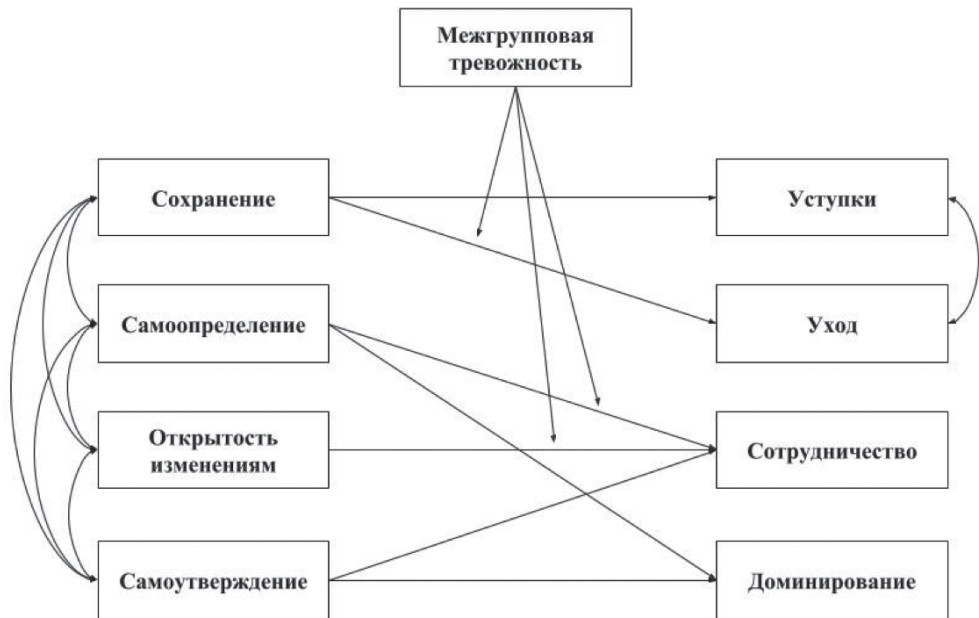

Рис. 2. Путьевая модель для предикторов стратегий конфликтного поведения

ременных: самоуважения и гражданской идентичности. Модель имеет хорошие показатели соответствия: CMIN = 40,48; DF = 27; CMIN/DF = 1,499; CFI = 0,982; RMSEA = 0,049; SRMR = 0,038.

Предикторы объясняют от 10 до 26% дисперсии зависимых переменных. Межгрупповая тревожность, как модератор, имеет значимое влияние только для связи между Открытостью изменениям и сотрудничеством. На уровне значимости $p = ,001$ следующие ценности имеют влияние на предпочтение стратегий конфликтного поведения: ценности Сохранения положительно влияет на

стратегию ухода, Самопреодоление положительно влияет на стратегию сотрудничества, а Самоутверждение – на стратегию доминирования. Из контрольных переменных самоуважение оказывает значимое влияние на стратегию уступок.

На рис. 3 представлен модерационный эффект межгрупповой тревожности на связь между ценностями Открытости изменениям и стратегией сотрудничества. Как можно видеть, высокая межгрупповая тревожность значительно снижает позитивный эффект, оказываемый на данную стратегию ценностями Открытости изменениям.

Таблица 3

Путевой анализ влияния индивидуальных ценностей на стратегии поведения в конфликте

Переменные	β
Сотрудничество $R^2 = ,26$	
Открытость изменениям	,34**
Самопреодоление	,35***
Самоутверждение	-,25**
Гражданская идентичность	,16*
Тревожность	-,16*
Тревожность × Открытость изменениям	-,23**
Тревожность × Самоопределение	-,02
Доминирование $R^2 = ,20$	
Самоутверждение	,69***
Самопреодоление	-,32**
Уход $R^2 = ,12$	
Сохранение	,28***
Самоуважение	-,25**
Сохранение × Тревожность	-,10
Тревожность	,18**
Уступки $R^2 = ,10$	
Сохранение	,07
Самоуважение	-,40***
Гражданская идентичность	,13*

Примечание: звездочками отмечены значимые значения на уровне «*» – $p < ,05$; «**» – $p < ,01$; «***» – $p < ,001$.

Обсуждение результатов

В данном исследовании мы рассмотрели предикторы поведения русских в воображаемом конфликте с представителями народов Северного Кавказа. Так как респонденты оценивали свое гипотетическое поведение, безусловно, при дальнейшем обсуждении мы имеем в виду в большей степени установки на выбор той или иной стратегии поведения в конфликте. При этом такой подход, направленный на установки (*perspective*), а не на фиксацию реального поведения (*descriptive*), также широко представлен в зарубежной психологии, особенно при изучении нового социокультурного контекста, в котором люди еще не успели накопить реальный опыт участия в каких-либо социальных процессах (Dunn, 2008). Кроме того, сто-

ит отметить, что полученные результаты можно переносить только на русских из регионов, где они являются большинством и редко взаимодействуют с представителями других этнических групп; мы предполагаем, что для русских, проживающих на территории Северного Кавказа могут быть получены другие результаты. Было проанализировано влияние индивидуальных ценностей и межгрупповой тревожности в роли медиатора. Наибольшее предпочтение стратегии сотрудничества в межкультурном конфликте, на наш взгляд, связано с социальной желательностью. А достаточно высокое предпочтение ухода, вероятно, — с тревожностью и страхом, сопровождающими любой межкультурный конфликт [34].

Проверяемая нами теоретическая модель подтвердила наши предположения

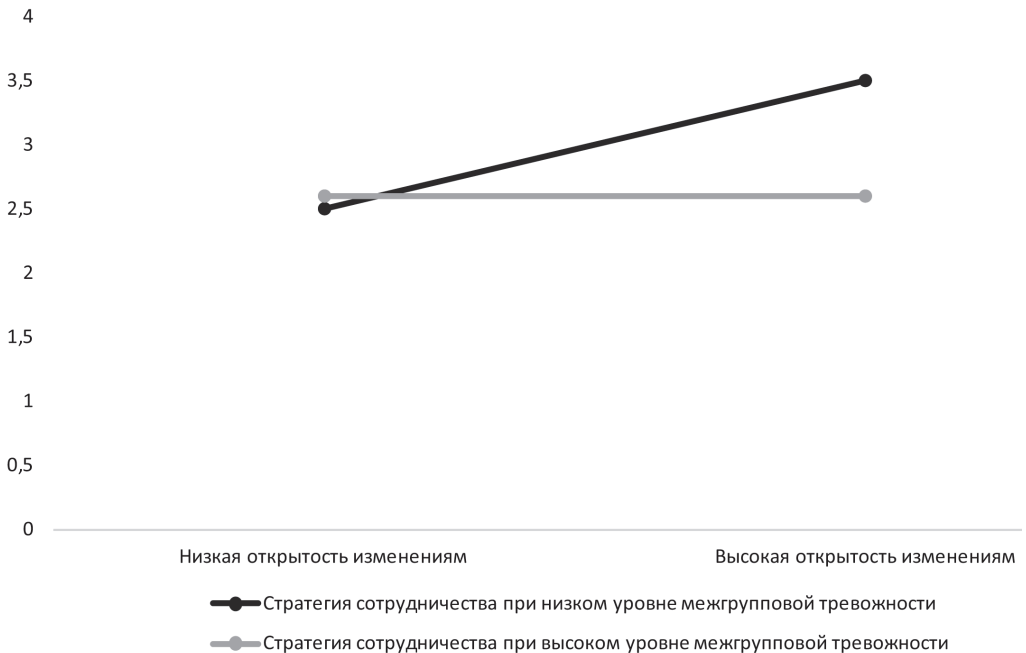

Рис. 3. Модерационный эффект межгрупповой тревожности на связь между Открытостью изменениям и сотрудничеством

о роли базовых ценностей как предикторов стратегий конфликтного поведения, за исключением стратегии уступок. Стоит отметить, что стратегия уступок имела самое малое среднее значение по сравнению с другими стратегиями, что может говорить о ее низкой социальной желательности среди российских респондентов. С предпочтением стратегии сотрудничества позитивно связаны такие ценности, как Открытость изменениям и Самопреодоление, и негативно — ценности Самоутверждения. Это полностью согласуется с теоретическими представлениями о природе сотрудничества, которая подразумевает не только высокую заботу о своих интересах и об интересах другой стороны (что по смыслу соответствует ценностям Самопреодоления и противоположно ценностям Самоутверждения), но и способность к ведению диалога, нахождению эффективных совместных решений, умение воспринимать альтернативную точку зрения (что соответствует ценностям Открытости изменениям) [32; 35]. Самоутверждение имеет очень сильную положительную связь с предпочтением стратегии доминирования. Данный результат находится в соответствии с представлениями о доминировании как о стратегии, в основе которой лежит стремление добиться своей цели любым путем, «победить» соперника, «выиграть» соревнование [35]. Ценности Сохранения, как и ожидалось, имеют положительную связь с предпочтением стратегии ухода. Как правило, мотивацию выбора ухода в конфликте связывают с нежеланием вступать в открытое взаимодействие, причинять неудобства себе и другой стороне, что хорошо согласуется с такими ценностями, как конформизм и скромность, входящими в состав ценностей Сохранения. Можем

предположить, что ценности являются «универсальными» предикторами поведения в конфликтах разного, а не только межкультурного, типа.

Результаты анализа модерации показали, что межгрупповая тревожность имеет значимое влияние на связь между ценностями Открытости изменениям и стратегией сотрудничества. Чем выше тревожность, тем меньше позитивный эффект Открытости изменениям на предпочтение сотрудничества. Помимо этого, был получен значимый прямой эффект межгрупповой тревожности на стратегии ухода и сотрудничества. Высокий уровень межгрупповой тревожности стимулирует выбор стратегии ухода и уменьшает вероятность предпочтения стратегии сотрудничества. Это полностью согласуется с результатами исследований, показывающих, что межгрупповая тревожность вынуждает избегать взаимодействия с другой группой и затрудняет эффективную межкультурную коммуникацию [34; 41]. Интересно, что влияние межгрупповой тревожности на предпочтение стратегии ухода можно рассматривать и как одно из немногих позитивных последствий межгрупповой тревожности. Таким образом, высокий уровень тревожности способен сдерживать более негативные аспекты межгрупповых отношений, такие как конфликты. Это перекликается с идеей Л. Козера [4] о том, что сама угроза возникновения в обществе социальных конфликтов и является той силой, которая предотвращает их появление. Прямой эффект межгрупповой тревожности на стратегии поведения в конфликте позволяет рассматривать ее в дальнейшем не только как модератор, но и как отдельную независимую переменную. При этом в случае с сотрудничеством модерационный эффект выше, чем прямой, а в случае с ухо-

дом — наоборот. Интересно отсутствие модерационного эффекта тревожности на связь Самопреодоления и сотрудничества. Видимо, непосредственная связь данных ценностей и сотрудничающего поведения настолько сильна и устойчива, что нивелирует влияние межгрупповой тревожности.

Рассмотрение контрольных переменных дало следующие результаты. Гражданская идентичность имела значимую, но очень слабую положительную связь с предпочтением стратегий сотрудничества и уступок. Обе эти стратегии направлены на заботу об интересах другой стороны. Исходя из этого, мы можем предположить, что выраженная гражданская идентичность благотворно влияет на восприятие представителя национального меньшинства как равного, стимулирует более внимательное отношение к его интересам. Это согласуется с результатами исследования Ting-Toomey et al. [36]. Высокое самоуважение имеет значимую негативную связь с предпочтением стратегий ухода и уступок. Это может быть объяснено тем, что люди с высоким уровнем самоуважения чувствуют себя более уверенно при открытом противодействии, чем люди с низким самоуважением [15]. При этом достаточно интересно влияние самоуважения на стратегию уступок. Можно предположить, что использование стратегии уступок в межкультурном конфликте воспринимается русскими респондентами как признак слабости.

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Высокая выраженность ценностей Открытости изменениям и Самопреодо-

ления положительно связана с предпочтением стратегии сотрудничества в воображаемом межкультурном конфликте.

2. Высокая выраженность ценностей Самоутверждения связана положительно с выбором стратегии доминирования и отрицательно — с выбором стратегии сотрудничества.

3. Высокая выраженность ценностей Сохранения положительно связана с предпочтением стратегии ухода в воображаемом межкультурном конфликте, но при этом не оказывает значимого влияния на предпочтение стратегии уступок.

4. Высокая межгрупповая тревожность связана положительно с выбором стратегии ухода и отрицательно — с выбором стратегии сотрудничества.

5. Высокая межгрупповая тревожность снижает позитивное влияние ценностей Открытости изменениям на стратегию сотрудничества.

Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке тренинга межкультурной коммуникации, при урегулировании конфликтов между представителями русской и кавказских этнических групп, а также при разработке рекомендаций в сфере межкультурной коммуникации.

Ограничения и дальнейшие исследования

Данное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, ответы респондентов об их предполагаемом поведении в конфликте с большой вероятностью подверглись влиянию социальной желательности. Кроме того, респонденты оценивали воображаемое, а не реальное поведение. Во-вторых, не удалось определить влияние ценностей на предпочте-

ние стратегии уступок, доля объясненной дисперсии для стратегии уступок очень низка. Представляется интересным в следующих исследованиях рассмотреть поведение в конфликте с представителя-

ми других этнических групп (в том числе не проживающих в России), а также провести «зеркальное исследование» для представителей контактирующих этнических меньшинств.

Финансирование

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батхина А.А.* Стратегии поведения в межкультурном конфликте: обзор зарубежных исследований // Социальная психология и общество. 2017. № 8(3). С. 45–62. doi:10.17759/sps.2017080305
2. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Абылкаликов С.И.* Внутривососсийская миграция населения // Население России 2015: двадцать третий ежегодный демографический доклад / Под ред. С.В. Захарова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 309–322.
3. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Внутренняя долговременная миграция населения в России и других странах // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. № 2. С. 74–80.
4. *Козер Л.А.* Функции социального конфликта. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. 208 с.
5. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН, 2009. 420 с.
6. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Берри Дж.* Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте // Психологический журнал. 2016. № 37. С. 92–104.
7. *Малахов Ю.И.* Исламофобия и другие факторы радикализации образа мусульманина в российском обществе // Образование и духовная безопасность. 2017. № 2. С. 42–46.
8. *Малькова В.К.* Полиэтническая Москва 2011–2012 гг. Тревожные звонки в информационном пространстве // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2012. № 233. С. 3–80.
9. *Мкртчян Н.В.* Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 107–116.
10. *Соткасира Т.* Встречи с «кавказцами». (Пере)осмысление «опасной» идентичности в современной России // Диаспоры. 2013. № 1. С. 84–112.
11. *Черныш М.Ф., Евсеева М.А., Епихина Ю.Б. и др.* Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук. 2015. № 3. С. 1–107.

12. *Цуциев А.* Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов // Россия и мусульманский мир. 2006. № 4, С. 33–74.
13. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 9(2). С. 43–70.
14. *Allport G.W.* The nature of prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954. 576 p.
15. *Bar-Tal D., Halperin E., Sharvit K., Zafran A.* Ethos of Conflict: The Concept and Its Measurement // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2012. № 18 (1). P. 40–61. doi: 10.1037/a0026860
16. *Dunn D.* *Research methods for Social Psychology.* New Jersey: Wiley-Blackwell, 2008. 424 p.
17. *Esentas M., Özbey S., Güzel P.* Self-Awareness and Leadership Skills of Female Students in Outdoor Camp // Journal of Education and Training Studies. 2017. № 5 (10). P. 197–206. doi:10.11114/jets.v5i10.2600
18. *Gunkel M., Schlaegel C., Taras V.* Cultural values, emotional intelligence, and conflict handling styles. A global study // Journal of World Business. 2016. № 51 (4). P. 568–585. doi: 10.1016/j.jwb.2016.02.001
19. *Hair J., Black W., Babin B., Anderson R.* Multivariate Data Analysis (7th Ed.). NJ, USA: Prentice Hall, Inc. Upper Saddle River, 2010. 816 p.
20. *Hammer M.R.* The Developmental paradigm for intercultural competence research // International Journal of Intercultural Relations. 2015. № 48. P. 12–13. doi: 10.1016/j.ijintrel.2015.03.004
21. *Kline R.B.* Principles and practice of structural equation modeling (3rd ed.). New York, NY: Guilford Press, 2011. 427 p.
22. *Lebedeva N., Tatarko A.* Immigration and intercultural interaction strategies in post-Soviet Russia // Immigration: policies, challenges and impact / Ed. by E. Tartakovsky. NY: Nova Science Publishers, Inc, 2013. P. 179–194.
23. *Lebedeva N., Tatarko A., Berry J.W.* Intercultural relations among migrants from Caucasus and Russians in Moscow // International Journal of Intercultural Relations. 2016. № 52. P. 27–38. doi: 10.1016/j.ijintrel.2016.03.001
24. *Lebedeva N., Galyapina V.N., Lepshokova Z., Ryabichenko T.* Intercultural Relations in Russia // Mutual intercultural relations / Ed. by J.W. Berry. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 34–58.
25. *Marsella A.J.* Culture and conflict: Understanding, negotiating, and reconciling conflicting constructions of reality // International Journal of Intercultural Relations. 2005. № 29. P. 651–673. doi: 10.1016/j.ijintrel.2005.07.012
26. *Matsumoto D., Hwang H.C.* The role of contempt in intercultural communication // Cross-Cultural Research. 2015. № 40 (5). P. 439–460. doi: 10.1177/1069397115599542
27. *Neuliep J.W., McCroskey D.* The development of intercultural and interethnic communication apprehension scales // Communication Research Reports. 1997. № 14. P. 145–156. doi: 10.1080/08824099709388656
28. *Neuliep J.W., Ryan D.J.* The influence of intercultural communication apprehension and socio-communicative orientation on uncertainty reduction during initial cross-cultural interaction // Communication Quarterly. 1998. № 46. P. 88–99. doi: 10.1080/01463379809370086

28. *Oetzel J.G., Myers K., Meares M., Estefana L.* Interpersonal conflict in organizations: Exploring conflict styles via face-negotiation theory // *Communication Research Reports*. 2003. № 20 (2). P. 106–115.
29. *Oommen D.* The relationship between mental distress, assessed in terms of anxiety and depression, and conflict management in the context of cultural adaptation // *Journal of Intercultural Communication Research*. 2013. № 42. P. 91–111. doi: 10.1080/17475759.2012.744341
30. *Putnam L., Wilson C.* Communication strategies in organizational conflicts: Reliability and validity of a measurement // *Communication yearbook* / Ed. by M. Burgoon. Beverly Hills: Sage, 1982. P. 652–692.
31. *Rosenberg M.* Society and the adolescent self-image. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965. 326 p.
32. *Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992. № 25 (1). P. 1–65.
33. *Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M. et al.* Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. № 103 (4). P. 663–688.
34. *Skimina E., Cieciuch J., Schwartz S. H. et al.* Testing the Circular Structure and Importance Hierarchy of Value States in Real-Time Behaviors [Электронный ресурс] // *Journal of Research in Personality*. Published online. 2018. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-research-in-personality> (дата обращения: 10.03.2018).
35. *Stephan W.G.* Intergroup Anxiety: Theory, Research, and Practice // *Personality & Social Psychology Review*. 2014. № 18 (3). P. 239–255.
36. *Thomas K.W., Kilmann R.H.* Developing a forced-choice measure of conflict-handling behavior: The “mode” instrument // *Educational and Psychological Measurement*. 1977. № 37 (2). P. 309–325.
37. *Ting-Toomey S., Yee-Jung K.K., Shapiro R.B. et al.* Ethnic/cultural identity salience and conflict styles in four US ethnic groups // *International Journal of Intercultural Relations*. 2000. № 24 (1). P. 47–81. doi:10.1016/S0147-1767(99)00023-1
38. *Ting-Toomey S.* Applying Dimensional Values in Understanding Intercultural Communication // *Communication Monographs*. 2010. № 77 (2). P. 169–180. doi: 10.1080/03637751003790428
39. *Ting-Toomey S., Oetzel J.G.* *Managing Intercultural Conflict Effectively*. SAGE Publications, 2001. 248 p.
40. *Tong Y., Chen G.-M.* Intercultural Sensitivity and Conflict Management Styles in Cross-Cultural Organizational // *Intercultural Communication Studies*. 2008. № 17 (2). P. 149–161.
41. *Torres C.V., Schwartz S.H., Nascimento T.G.* The Refined Theory of Values: Associations with Behavior and Evidences of Discriminative and Predictive Validity // *Psicologia USP*. 2014. № 27 (2). P. 341–356. doi:10.1590/0103-656420150045
42. *Trawalter S., Adam E.K., Chase-Lansdale P.L., Richeson J.A.* Concern about appearing prejudiced get under the skin: Stress responses to interracial contact in the moment and

across time // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. № 48. P. 682–693. doi: 10.1016/j.jesp.2011.12.003

43. *Trawalter S., Richeson J.A., Shelton J.N.* Predicting behavior during interracial interactions: A stress and coping approach // *Personality and Social Psychology Review*. 2009. № 13. P. 243–268. doi:10.1177/1088868309345850

44. *Turner R.N., Crisp R.J., Lambert E.* Imagining intergroup contact can improve intergroup attitudes // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2007. № 10. P. 427–441.

45. *Worchel S.* Culture's role in conflict and conflict management: Some suggestions, many questions // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. № 29. P. 739–757. doi:10.1016/j.ijintrel.2005.08.011

Predictors of behavioral strategy choice among Russians in intercultural conflict

A.A. BATKHINA*,
NRU HSE, Moscow, Russia,
abatkhina@hse.ru

N.M. LEBEDEVA**,
NRU HSE, Moscow, Russia,
nlebedeva@hse.ru

The article describes the main results of the study investigating the predictors of the behavioral strategy choice among Russians in an imaginary conflict with a representative of the North Caucasus ethnic groups. The theoretical and methodological basis of the research includes the dual concern model, the refined theory of personal values by S. Schwartz and the concept of intergroup anxiety by W. Stefan and C. Stefan. As the predictors of the behavioral strategy choice in a conflict, following personal values were considered: Openness to change, Conservation, Self-Transcendence and Self-Enhancement. The role of intergroup anxiety was tested as a moderator affecting the link between values and behavior in the conflict. Cultural identity and self-esteem were considered as control variables. The study involved 214 ethnic Russians living in Russia (73 men, 141 women, age $M = 31.96$, $SD = 10.21$). Respondents were involved

For citation:

Batkhina A.A., Lebedeva N.M. Predictors of behavioral strategy choice among Russians in intercultural conflict. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 1, pp. 70–91. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100105

* *Batkhina Anastasia A.* — PhD student, trainee-researcher, Higher School of Economics, Moscow, Russia, abatkhina@hse.ru

** *Lebedeva Nadezda M.* — Doctor of Science in Psychology, Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia, nlebedeva@hse.ru

in the study helping by “snowball” method. The following methods were used: Organizational Conflict Inventory by M. Rahim in the modification of J. Oetzel, PVQ-R by S. Schwartz, the intercultural communication apprehension scale by J. Neulep and D. McKrosky, and the certain scales from the MIRIPS questionnaire. The results of the path analysis showed that the choice of the competing is positively related to the values of Self-Enhancement and is negative with the values of Self-Transcendence. The choice of collaborating strategy has a positive relation with the values of Self-Transcendence and Openness to change. The choice of an avoiding strategy is positively related to the values of Conservation and intergroup anxiety. The choice of the accommodating did not reveal a significant influence of values but this strategy is in positive connection with cultural identity and in a negative connection with self-esteem. Intergroup anxiety is a moderator of the relationship between the value of Openness to change and the collaborating strategy. The obtained results can be used in the development of recommendations in the field of intercultural communication and in the settlement of intercultural conflicts.

Keywords: intercultural conflict, personal values, intergroup anxiety, conflict styles, cultural identity.

Funding

The article was prepared during the research within the framework of the Program of Fundamental Research of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE) and using subsidies in the framework of state support for the leading universities of the Russian Federation “5-100”.

REFERENCES

1. Batkhina A.A. Intercultural conflict styles: literature review. *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 45–62. doi:10.17759/sps.2017080305 (In Russ., abstr. in Engl.)
2. Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V., Abylkalikov S.I. Vnutrirossiiskaya migratsiya naseleniya [Intra-Russian population migration]. In S.V. Zakharov (ed.). *Naselenie Rossii 2015: dvadtsat' tretii ezhegodnyi demograficheskii doklad*. Moscow: Izdatel'skii dom NIU VShE, 2017, pp. 309–322.
3. Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V. Vnutrennyaya dolgovremennaya migratsiya naseleniya v Rossii i drugikh stranakh [Internal long-term migration of population in Russia and other countries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [MSU Vestnik]*. Seriya 5. Geografiya, 2017, no. 2, pp. 74–80.
4. Kozer L.A. *Funktsii sotsial'nogo konflikta [Functions of social conflict]*. Moscow: Dom intellektual'noi knigi: Ideya-press, 2000. 208 p.
5. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviya migrantov i naseleniya Rossii [Strategies for Intercultural Interaction between migrants and the population of Russia]. Moscow: RUDN, 2009. 420 p.
6. Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berri Dzh. Sotsial'no-psikhologicheskie osnovy mul'tikul'turalizma: proverka gipotez o mezhkul'turnom vzaimodeistvii v rossiiskom kontekste [Socio-psychological foundations of multiculturalism: testing hypotheses about

intercultural interaction in the Russian context]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2016, no. 37, pp. 92–104.

7. Malakhov Yu.I. Islamofobiya i drugie faktory radikalizatsii obraza musul'manina v rossiiskom obshchestve [Islamophobia and other factors of the radicalization of the image of a Muslim in Russian society]. *Obrazovanie i dukhovnaya bezopasnost' [Education and spiritual security]*, 2017, no. 2, pp. 42–46.

8. Mal'kova V.K. Polietnicheskaya Moskva 2011–2012 gg. Trevozhnye zvonki v informatsionnom prostranstve [Polyethnic Moscow 2011–2012. Alarming calls in the information space]. *Issledovaniya po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii [Studies on applied and urgent ethnology]*, 2012, no. 233, pp. 3–80.

9. Mkrtchyan N.V. Migratsiya v Moskve i Moskovskoi oblasti: regional'nye i strukturnye osobennosti [Migration in Moscow and the Moscow Region: regional and structural features]. *Regional'nye issledovaniya [Regional research]*, 2015, no. 3, pp. 107–116.

10. Sotkasiira T. Vstrechi s «kavkaztsami». (Pere)osmyslenie «opasnoi» identichnosti v sovremennoi Rossii [Meetings with the “Caucasians”. (Per) understanding of the “dangerous” identity in modern Russia]. *Diaspory [Diasporas]*, 2013, no. 1, pp. 84–112.

11. Chernysh M.F., Evseeva M.A., Epikhina Yu.B. i dr. Sotsial'no-ekonomicheskie faktory mezhetnicheskoi napryazhennosti v regionakh Rossiiskoi Federatsii [Socio-economic factors of inter-ethnic tensions in the regions of the Russian Federation]. *Informatsionno-analiticheskii byulleten' Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk [Informational and analytical bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]*, 2015, no. 3, pp. 1–107.

12. Tsutsiev A. Russkie i kavkaztsy: po tu storonu druzhby narodov [Russians and Caucasians: beyond the friendship of peoples]. *Rossiya i musul'manskii mir [Russia and the Muslim world]*, 2006, no. 4, pp. 33–74.

13. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primenenie v Rossii [A refined theory of basic individual values: application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics]*, 2012, no. 9 (2), pp. 43–70.

14. Allport G.W. The nature of prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954. 576 p.

15. Bar-Tal D., Halperin E., Sharvit K., Zafran A. Ethos of Conflict: The Concept and Its Measurement. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2012, no. 18 (1), pp. 40–61. doi: 10.1037/a0026860

16. Esentas M., Özbey S., Güzel P. Self-Awareness and Leadership Skills of Female Students in Outdoor Camp. *Journal of Education and Training Studies*, 2017, no. 5 (10), pp. 197–206. doi:10.11114/jets.v5i10.2600

17. Gunkel M., Schlaegel C., Taras V. Cultural values, emotional intelligence, and conflict handling styles. A global study. *Journal of World Business*, 2016, no. 51 (4), pp. 568–585. doi: 10.1016/j.jwb.2016.02.001

18. Hair J., Black W., Babin B., Anderson R. Multivariate Data Analysis (7th Ed.). NJ, USA: Prentice Hall, Inc. Upper Saddle River, 2010. 816 p.

19. Hammer M.R. The Developmental paradigm for intercultural competence research. *International Journal of Intercultural Relations*, 2015, no. 48, pp. 12–13. doi:10.1016/j.ijintrel.2015.03.004

20. Kline R.B. Principles and practice of structural equation modeling (3rd ed.). New York, NY: Guilford Press, 2011. 427 p.
21. Lebedeva N., Tatarko A. Immigration and intercultural interaction strategies in post-Soviet Russia. In E. Tartakovsky (ed.). *Immigration: policies, challenges and impact*. NY: Nova Science Publishers, Inc, 2013, pp. 179–194.
22. Lebedeva N., Tatarko A., Berry J.W. Intercultural relations among migrants from Caucasus and Russians in Moscow. *International Journal of Intercultural Relations*, 2016, no. 52, pp. 27–38. doi:10.1016/j.ijintrel.2016.03.001
23. Lebedeva N., Galyapina V.N., Lepshokova Z., Ryabichenko T. Intercultural Relations in Russia. In J.W. Berry (ed.). *Mutual intercultural relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017, pp. 34–58.
24. Marsella A.J. Culture and conflict: Understanding, negotiating, and reconciling conflicting constructions of reality. *International Journal of Intercultural Relations*, 2005, no. 29, pp. 651–673. doi:10.1016/j.ijintrel.2005.07.012
25. Matsumoto D., Hwang H.C. The role of contempt in intercultural communication. *Cross-Cultural Research*, 2015, no. 40(5), pp. 439–460. doi:10.1177/1069397115599542
26. Neuliep J.W., McCroskey D. The development of intercultural and interethnic communication apprehension scales. *Communication Research Reports*, 1997, no. 14, pp. 145–156. doi:10.1080/08824099709388656
27. Neuliep J.W., Ryan D.J. The influence of intercultural communication apprehension and socio-communicative orientation on uncertainty reduction during initial cross-cultural interaction. *Communication Quarterly*, 1998, no. 46, pp. 88–99. doi:10.1080/01463379809370086
28. Oetzel J.G., Myers K., Meares M., Estefana L. Interpersonal conflict in organizations: Exploring conflict styles via face-negotiation theory. *Communication Research Reports*, 2003, no. 20 (2), pp. 106–115.
29. Oommen D. The relationship between mental distress, assessed in terms of anxiety and depression, and conflict management in the context of cultural adaptation. *Journal of Intercultural Communication Research*, 2013, no. 42, pp. 91–111. doi:10.1080/17475759.2012.744341
30. Putnam L., Wilson C. Communication strategies in organizational conflicts: Reliability and validity of a measurement. In M. Burgoon (ed.). *Communication yearbook*. Beverly Hills: Sage, 1982, pp. 652–692.
31. Rosenberg M. Society and the adolescent self-image. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965. 326 p.
32. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1992, no. 25 (1), pp. 1–65.
33. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M. et al. Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. №103 (4). P. 663–688.
34. Skimina E., Cieciuch J., Schwartz S. H. et al. Testing the Circular Structure and Importance Hierarchy of Value States in Real-Time Behaviors [Electronic resource]. *Journal of Research in Personality*. Published online. 2018. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-research-in-personality> (accessed 10.03.2018).

35. Stephan W.G. Intergroup Anxiety: Theory, Research, and Practice. *Personality & Social Psychology Review*, 2014, no. 18(3), pp. 239–255.
36. Thomas K.W., Kilmann R.H. Developing a forced-choice measure of conflict-handling behavior: The “mode” instrument. *Educational and Psychological Measurement*, 1977, no. 37 (2), pp. 309– 325.
37. Ting-Toomey S., Yee-Jung K.K., Shapiro R.B. et al. Ethnic/cultural identity salience and conflict styles in four US ethnic groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 2000, no. 24 (1), pp. 47–81. doi:10.1016/S0147-1767(99)00023-1
38. Ting-Toomey S. Applying Dimensional Values in Understanding Intercultural Communication. *Communication Monographs*, 2010, no. 77(2), pp. 169–180. doi:10.1080/03637751003790428
39. Ting-Toomey S., Oetzel J.G. *Managing Intercultural Conflict Effectively*. SAGE Publications, 2001. 248 p.
40. Tong Y., Chen G.-M. Intercultural Sensitivity and Conflict Management Styles in Cross-Cultural Organizational. *Intercultural Communication Studies*, 2008, no. 17(2), pp. 149–161.
41. Torres C.V., Schwartz S.H., Nascimento T.G. The Refined Theory of Values: Associations with Behavior and Evidences of Discriminative and Predictive Validity. *Psicologia USP*, 2014, no. 27 (2), pp. 341–356. doi:10.1590/0103-656420150045
42. Trawalter S., Adam E.K., Chase-Lansdale P.L., Richeson J.A. Concern about appearing prejudiced get under the skin: Stress responses to interracial contact in the moment and across time. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2012, no. 48, pp. 682–693. doi:10.1016/j.jesp.2011.12.003
43. Trawalter S., Richeson J.A., Shelton J.N. Predicting behavior during interracial interactions: A stress and coping approach. *Personality and Social Psychology Review*, 2009, no. 13, pp. 243–268. doi:10.1177/1088868309345850
44. Turner R.N., Crisp R.J., Lambert E. Imagining intergroup contact can improve intergroup attitudes. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2007, no. 10, pp. 427–441.
45. Worchel S. Culture’s role in conflict and conflict management: Some suggestions, many questions. *International Journal of Intercultural Relations*, 2005, no. 29, pp. 739–757. doi:10.1016/j.ijintrel.2005.08.011